

Молчанов Владимир

15.03.09

Русский
курьер. — 2004.
15 марта
с. 9

Валерия ВАЛЬЦОВА

Владимир Молчанов — из той когорты маститых журналистов, которые в представлении не нуждаются: в свое время его «До и после полуночи» смотрела вся страна. Сейчас Молчанов делает сразу две передачи — авторскую программу «И дольше века» на канале «Культура» и ток-шоу «Частная жизнь» на канале «Россия». Наш разговор с Владимиром Кирилловичем проходил в его гримерной, где ведущий отдыхал между съемками программы.

— Владимир Кириллович, ваше появление на экране всегда гарантировало то, что мы увидим качественный телевизионный продукт. Времена изменились. Изменились ли вместе с ними?

— Рано или поздно все меняется. Если не брать программу «Время», которую я когда-то вел, то, можно сказать, всю жизнь я делал авторские программы. Это значит, что я был автором если не сценария, то всей сути происходящего в передаче. Это касалось моих программ «До и после полуночи», «Помню. Люблю», цикла под названием «И дольше века», который идет сейчас по «Культуре».

Сейчас впервые в жизни я работаю как приглашенный ведущий — в ток-шоу «Частная жизнь». От интереса к личной жизни никуда не денешься. Но в последние годы мы полностью растеряли культуру того, как о ней надо говорить. «Желтые» издания рассказывают в основном какие-то скандальные, постельные истории. Но этим ведь частная жизнь не ограничивается... А вот, кстати, моя юная партнерша Лика Кремер — Молчанов с улыбкой кивает на симпатичную блондинку, читающую в перерыве между съемками принесенный мною «РК».

— Не трудновато работать в паре? Наверняка привыкли на себе «тащить» весь эфир?

— Продюсеры «Частной жизни» решили, что мы будем работать вдвоем. Юная барышня меня подстегивает:

я должен стремиться быть стройнее, ретивее... А что, я не против. Хотя действительно последний раз работал с партнершей в году этак 90-м. Быть приглашенным ведущим, с одной стороны, тяжелее, чем делать авторскую программу. Я брал большие интервью, и рамки моих передач никогда не предполагали ток-шоу. С другой стороны, ты в меньшей степени отвечаешь за все, что происходит в студии. Потому что в авторской программе ты сам придумываешь сценарий, сам занимаешься монтажом, сам участвуешь в подборе музыки, закадрового ряда, хроники.

— Как человек, побывавший на съемках вашей «Частной жизни», хочу заметить: складывается ощущение, что вы намеренно уходите от личной оценки героев программы. Это так?

— Понимаете, я вообще не часто говорю своему гостю, что он идиот или гений. Мне кажется, гораздо лучше, когда сама публика после нашего разговора делает выводы, кто хороший, а кто плохой.

— Ток-шоу — сейчас один из самых популярных жанров на нашем ТВ. Как вы думаете, мода на них когда-нибудь пройдет?

— Если судить по западному телевидению — никогда. Там ток-шоу существуют давно и занимают огромное количество телевизионного времени. Однако на том же американском телевидении гораздо большее количество телеканалов, и в любое время можно переключиться с развлекательной программы на классическую музыку. Хотя и у нас сейчас такая возможность существует благодаря каналу «Культура». Интерес к ток-шоу вызван еще и тем, что можно увидеть эмоции на лицах множества людей, почувствовать их изумление или возмущение. В этом есть какой-то шарм.

— В 90-х вы ушли с государственного телевидения в частную телекомпанию. Потом вернулись. Изменились ли политические пристрастия?

— После выборов 1996 года я зарекался заниматься политической журналистикой. И этому я верен. Тем более, по-моему, в последнее время

это стало совершенно неинтересно, особенно в России, где политики, как таковой, не существует. Когда-то в молодости, в середине 70-х, будучи еще пишущим журналистом, я занимался политическими расследованиями. Семь лет своей жизни посвятил поиску нацистских преступников.

— Кстати, о ваших расследованиях. Слышала, что они увенчались успехом, и преступники спустя много лет понесли заслуженное наказание.

— Одного нациста посадили, другого взорвали в Америке. Было дело. Сейчас мне больше всего интересна телевизионная документалистика.

— Вы говорите о цикле «И дольше века»?

— Да, мы сделали чуть более 30 серий для «Культуры». Это тоже в какой-то степени «частная жизнь», но несколько других людей: Франко Дзеффирелли, Майи Плисецкой, Василя Быкова, академика Амосова, Натальи Петровны Бехтеревой. В программе не было ни одного политика и, скорее всего, не будет. Для ток-шоу «Частная жизнь» героев выбирает огромная редакторская группа. Мы с Ликой иногда подсказываем, кто нам интересен. А круг персонажей цикла «И дольше века» я выбираю сам и так его для себя определяю: я 31 год в журналистике, за свою жизнь встречался с тысячами людей, провел несколько тысяч интервью, но со многими интересными персонажами или не имел возможности встретиться из-за того, что мы разминусь в эпохах, или просто не успел это сделать. И вот сейчас я, можно сказать, наверстываю упущенное. Например, большая удача взять интервью у американского писателя Гора Видала, который раз в два года принимает на своей горе в Италии одного журналиста. Такие встречи дорого стоят.

— Сколько времени отпущено каждой программе?

— Если судить по замечательной передаче ныне покойного моего товарища Юрия Сенкевича или «Спокойной ночи, малыши!», то иные программы могут существовать в течение

жизни нескольких поколений. А есть программы, созданные специально под выборы. Я вот точно понимаю, что не мог бы сейчас делать «До и после полуночи» таким же, каким делал в 1980-х годах.

— Интересно почему?

— Наверное, потому что принципом программы было открытие каких-то тем, на которые было наложено табу. Сегодня табу снято со всего. И уже никому неинтересны стали репрессии или белая эмиграция.

— Сложно ли было в то время говорить о таких вещах?

— Говорить-то было не сложно. Даже проще, чем многим журналистам сейчас. За нами не было того информационного груза, который существует сегодня у молодых журналистов, ведущих политические, социальные и общественно-политические программы. Они вынуждены зачастую концентрироваться на дне сегодняшнем, не проводя исторические параллели. Другие же предпочитают копаться в личной жизни Пугачевой, Киркорова и Галкина. Но уж мы-то никогда в «Частной жизни» этим не будем заниматься.

— Как вы считаете, чем ваше ток-шоу отличается от ему подобных?

— Не могу сказать, я вообще не слишком часто смотрю телевизор. Но я очень люблю Леночку Хангу, поскольку знаю ее с восьмилетнего возраста и даже когда-то был ее спарринг-партнером в теннисе. Поэтому иногда включаю телевизор, чтобы увидеть Леночку на экране, если в жизни ее долго не вижу.

— Когда-то ваше «До и после полуночи» называли новым словом в телевидении.

— Я не согласен. Тогда был яркий «Взгляд», замечательное ленинградское «Пятое колесо», «600 секунд» Невзорова. Поэтому нельзя сказать, что только я поднимал острые темы.

— После закрытия в мае 1991 года ваших «До и после полуночи» вы восемь лет проработали на REN TV, потом делали программы на Первом канале. Неплохая журналистская карьера?

— Карьера в принципе не

журналистское понятие. Карьера бывает у физика, когда он делает открытие и через 40 лет получает Нобелевскую премию. Карьера бывает у хирурга, к которому со всего мира стоит очередь на коронарное шунтирование. А у журналиста какая карьера? Не в обиду коллегам и самому себе будет сказано: средняя такая работа, пишешь-пишешь, перестанешь писать, так о тебе отродясь никто не вспомнит. Вот чьи имена некогда знаменитых журналистов до сих пор на слуху? Гиляровского, Кольцова, Константина Симонова за его военные публикации, Генриха Боровика или Зорина, который вам рассказывал, как плохо жить в Америке.

— Ну уж поколение восьмидесятников вас будет помнить. Можно почивать на лаврах.

— Сейчас у нас съёмочная пора — мы ежедневно записываем по четыре программы «Частная жизнь», так что отдыхать некогда. Да и какие лавры-то? Кому это все нужно?!

— Ну как же. Вы член телевизионной академии...

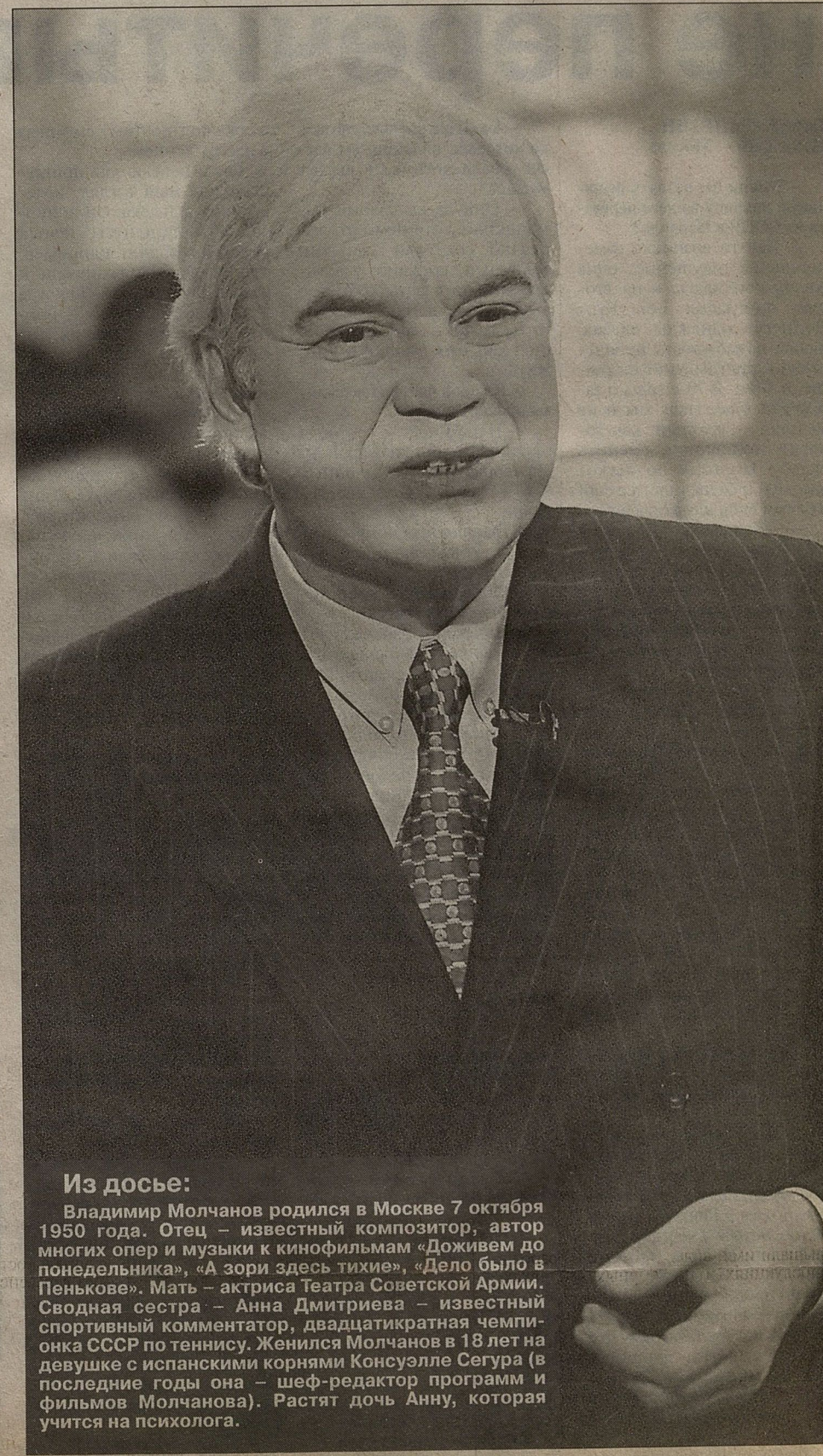
— Это все несерьезно. Так, польстить своему тщеславию. Какие из нас академики? Мы же не физики...

— Однако вам по статусу положено судить молодых. Кто из начинающих журналистов вам нравится?

— А кто для вас молодой? Я ведь сам начинал работать на телевидении в 36 лет. Мне очень нравится Тина Канде-лаки — девочка хорошо работает. Миша Дегтярь, хотя вроде он не молодой уже. Способные и запоминающиеся Алексей Хабаров и Лиза Листова. Да много ярких репортеров.

— Как вы провели вчерашний день — день выборов президента России?

— 14 марта — день памяти моего отца, и обычно я провожу его сначала на кладбище, а потом еду в деревню, где прошли наши самые счастливые дни и где он написал почти всю свою музыку. Там у меня дом, сад. Жена выращивает цветы, я — кабачки. Правда, не знаю, зачем я их сажаю, но они хорошо растут. И это доставляет мне некоторое удовольствие.

Из досье:

Владимир Молчанов родился в Москве 7 октября 1950 года. Отец — известный композитор, автор многих опер и музыки к кинофильмам «Доживем до понедельника», «А зори здесь тихие», «Дело было в Пенькове». Мать — актриса Театра Советской Армии. Сводная сестра — Анна Дмитриева — известный спортивный комментатор, двадцатикратная чемпионка СССР по теннису. Женится Молчанов в 18 лет на девушке с испанскими корнями Консуэлле Сегура (в последние годы она — шеф-редактор программ и фильмов Молчанова). Растят дочь Анну, которая учится на психолога.